

Крымский Кодрат

**Изложение сущности
конфуцианского учения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К57

К57 **Кодрат К.**
Изложение сущности конфуцианского учения / Крымский Кодрат – М.: Книга по Требованиям, 2023. – 47 с.

ISBN 978-5-519-91461-1

Философия. История философии. Философия Китая. Древняя китайская философия.
Конфуцианство

ISBN 978-5-519-91461-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованиям», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ности. Когда проѣзжалъ онъ чрезъ округъ Куванъ, то жители, принявъ его за Янь-ху, сборщика податей, который разными средствами угнеталъ народъ, и чрезъ то сдѣлался ему ненавистнымъ, окружили путника и загнали его въ одну нежилую хижину, гдѣ бывъ заключенъ пять дней, долженъ былъ оставаться безъ пищи. Въ шестой день Конфуцій рѣшился выдти изъ хижины и продолжать путь. Но когда его спросили: неужели онъ хочетъ быть растерзаннымъ на части? то Конфуцій сказалъ: „что лучше однажды умереть, нежели еще чрезъ нѣсколько дней истаять отъ голода“, и съ спокойнымъ духомъ сѣлъ на колесницу. Окружавшіе хижину, услышавъ послѣдніе его слова, узнали свое заблужденіе, бросили оружіе и начали извиняться предъ философомъ. Онъ, ничего не отвѣчая, кланялся на обѣ стороны, и такимъ образомъ удалившись отъ нихъ, обратно прибылъ въ княжество Вэй, гдѣ остановился въ домѣ чиновника Цюй-бо-юй. Конфуцій, сообразуясь съ обычаями княжества Вэй, представился къ Нань-цзы—супругѣ князя Линь-гунъ. И потомъ отправился въ княжество Сунъ. Но когда узналъ, что здѣсь вельможа Сы-ма, по имени Ху-ванъ-туй, замышлялъ убить его, то не медля опять уѣхалъ въ княжество Чень, гдѣ три года прожилъ въ домѣ чиновника Сы-ченъ, по имени Чжень-цзы, и оттуда опять возвратился въ княжество Вэй. Но Линь-гунъ, владѣтель сего удѣла, не опредѣлялъ Конфуція ни къ какой должности. Въ сіе время Би-си наперсникъ Министра въ удѣлѣ Цзинь, овладѣвъ городомъ Чжунъ-му, укрѣпилъ оный, въ намѣреніи сдѣлать столицею для себя. Полагая твердую надежду, что при совѣтахъ Конфуція можетъ составить обширное владѣніе, присоединяя земли отъ сосѣдственныхъ удѣловъ, приглашалъ его къ себѣ. Конфуцій, когда все уже было изготовлено къ путешествію, вмѣсто того чтобы ѣхать къ Би-си, отправился въ западную часть Княжества Цзинь (губерніи Шань-си) увидѣться съ Министромъ Чжао-цзянь. Прибывъ къ Желтой рѣкѣ, онъ узналъ отъ рыбака, что жители сея страны возстали противъ своего Государя за то, что онъ казнилъ двухъ славныхъ и добродѣтельныхъ Министровъ, старавшихся по обязанности своей обуздать неистовство ихъ Государя и исправить развращеніе двора, возвратился въ Княжество Вэй, и опять остановился въ домѣ вышепомянутаго Цюй-бо-юй. Въ сіе время Князь Линь-гунъ спросилъ Конфуція о военномъ искусствѣ. Конфуцій, не желая удовлетворить его вопросу, отвѣчалъ отрицательно и на другой-же день отсюда уѣхалъ въ Княжество Чень.

Въ сіе самое время скончался Цзи-хуань, первый Министръ Княжества Лу, и предъ своею смертію завѣщалъ своему сыну Цзи-

канъ-цзы, непременно призвать къ себѣ Конфуція и слѣдовать его созѣтамъ. Но Цзи-канъ-цзы не исполнилъ завѣщательной воли своего родителя и пригласилъ къ себѣ Жавъ-цю, ученика Конфуціева. Конфуцій по пути своемъ въ Княжество Цзай прибылъ въ городъ Шэ, принадлежавшій удѣлу Чу (нынѣ губернія Ху-шань). Чжао-ванъ, владѣтель сего удѣла, желалъ подарить Конфуцію въ вѣчное и потомственное владѣніе область Шу-шэ, простиравшуюся на семь сотъ ли (съ небольшимъ 350 верстъ). Но Цзы-си, одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта, отклонилъ государя отъ сего намѣренія. Конфуцій въ семь случаевъ поступилъ соответственно своему характеру: оставилъ Княжество Чу и удалился въ удѣлъ Вэй. Въ сіе время скончался Лицъ-гунъ, владѣтель сего удѣла. Чже-гунъ, сынъ и наслѣдникъ его, желалъ удержать Конфуція при своемъ дворѣ и препоручить ему важную часть управленія государственными дѣлами. Но Жавъ-цю, ученикъ Конфуція, просилъ Министра Цзи-канъ-цзы пригласить учителя своего возвратиться въ отечество. Цзи-канъ-цзы изъ уваженія заслугамъ, которыя Жавъ-цю, будучи предводителемъ войска, оказалъ на войнѣ, происходившей между княжествами Ци и Лу, исполнилъ его просьбу.

Такимъ образомъ, Конфуцій возвратился въ княжество Лу на 68-мъ году своей жизни, въ 11-е лѣто царствованія Князя Ай-гунъ. Впрочемъ, Ай-гунъ не препоручалъ Конфуцію дѣлъ, а сей не искалъ ни какой должности; но занимался исправленіемъ книгъ Шу-цзинъ, Ли-цзи, Ши-цзинъ, улучшеніемъ правилъ музыки и прибавленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній на толкованіе книги И-цзинъ. Въ сіе время Конфуцій имѣлъ до трехъ тысячъ учениковъ, но изъ нихъ только семьдесятъ два хорошо знали шесть наукъ, въ то время извѣстныхъ. Въ 14-мъ г. царствованія князя Ай-гунъ, во время зимней охоты, поймали въ западной части княжества Лу звѣря *ци-лингъ*. Появленіе сего звѣря предвозвѣстило нѣкогда рожденіе Конфуція. Теперь *ци-лингъ*, лишенный жизни, предвозвѣстилъ ему кончину его. Въ сіе время Конфуцій уже окончилъ сочиненіе книги Чунъ-цю (историческія записки княжества Лу). Наконецъ, царствованія Князя Ай-гунъ 16го года, четвертаго луннаго мѣсяца, въ день, называемый Цзи-чжу, скончался Конфуцій, на семьдесятъ третьемъ году отъ рожденія (479 до Р. X); погребенъ сродниками и учениками, по чину древнихъ обрядовъ, въ Сѣверной части княжества Лу, при рѣкѣ Сы. Всѣ его ученики носили по немъ трауръ, какъ по отцѣ, три года, но Цзы-гунъ носилъ оный шесть лѣтъ, не выходя изъ хижины, построенной имъ при могилѣ своего учителя.

Примѣру ученика Цзы-гунъ послѣдовали еще многіе изъ товарищей его. Они построили домики вокругъ Конфуціевой могилы и такимъ образомъ составили селеніе, прозванное ими Кхунъ-линь (кладбище Конфуція). Сіе селеніе съ теченіемъ времени распространилось, а чрезъ нѣсколько столѣтій превращено въ уѣздный городъ, который нынѣ называется Цюй-фэу-сянь и находится въ области Лянь-чжэу-фу. На могилѣ Конфуція сначала стоялъ простой камень безъ всякой рѣзьбы, четверугольный и шести футовъ въ длину. На семь то камень отправляемы были обыкновенные обряды почестей покойному.

Потомъ князь Ай-гунъ приказалъ близъ могилы Конфуція воздвигнуть *miao* (такъ называются храмы, сооружаемые для воздаванія почестей праотцамъ), дабы любители мудрости настоящихъ и будущихъ временъ ежегодно туда собирались въ назначенные дни и въ наипочтительныхъ обрядахъ воздавали ему должныя почести и благодарность, какъ учителю и виновнику ихъ просвѣщенія. Въ семь *miao*, по его-же повелѣнію, поставленно изображеніе Конфуціево, положены на пристойныхъ мѣстахъ всѣ его сочиненія, торжественныя одежды и музыкальныя орудія. Тамъ же помѣстили колесницу, служившую ему въ путешествіяхъ, и разныя употребляемыя имъ вещи.

Какъ все сіе было окончено, Ай-гунъ прибылъ въ *miao*, сопровождаемый знатнѣйшими чиновниками, и совершивъ обряды почести, всенародно призналъ Конфуція своимъ наставникомъ.

Впослѣдствіи, кромѣ князя Ай-гунъ, всѣ государи признавали Конфуція учителемъ царей и торжественно приносили ему жертвы съ тою цѣлью, чтобы возвысить какъ его ученіе, такъ и жребій ученыхъ. Сей обрядъ исполняютъ и нынѣшніе китайскіе государи Манчжурской династіи. Примѣру государей слѣдуютъ всѣ чиновники и упражняющіеся въ наукахъ: они, поклоняясь Конфуцію, признаютъ себя учениками его. Въ каждомъ городѣ находится теперь храмъ (*miao*), въ честь ему воздвигнутый, въ которомъ ученые собираются въ извѣстные дни и дѣлаютъ ему приношенія, не различающіяся отъ обыкновенныхъ жертвъ.

Въ храмахъ (*miao*), воздвигнутыхъ въ честь Конфуція почти во всѣхъ городахъ Китая, по сторонамъ таблицы съ его именемъ еще поставлены: таблицы съ именами какъ семадесяти двухъ его учениковъ, коимъ потомство обязано преданіемъ его ученія,—такъ и другихъ мужей, отличившихся какъ нравственностію жизни, такъ и мудростію въ градоправительствѣ, дабы и они соучаствовали въ почестяхъ, воздаваемыхъ Конфуцію градоправителями въ положен-

ныя времена.

Сколь великое почтеніе имѣеть Китайское правительство къ Конфуцію, доказываетъ и то, что происходящіе отъ его поколѣнія пользуются большимъ уваженіемъ и преимуществомъ нѣкаго дворянства. Одинъ изъ его потомковъ, опредѣленный при кладбище для приношенія жертвъ, имѣеть наследственное княжеское достоинство.

Конфуцій обладалъ проницательностію и остротою съ чрезвычайною памятью. Онъ безпрестанно читалъ и помнилъ все, что прочитывалъ. Быстрые его успѣхи, возвышенность мыслей, съ которою онъ изъяснялся, приводили въ удивленіе его наставниковъ, которымъ вскорѣ не оставалось, чему его обучать. Онъ съ знаніемъ совокулялъ добродѣтели. Кротость, великодушіе, воздержаніе, терпѣніе, смиренномудріе, безкорыстныя, презрѣніе богатствъ, услужливость, почительность къ другимъ, учтивость, скромность, привѣтливость, важность безъ малѣйшей угрюмости и свирѣпства, ласковость, обходительность были не измѣняемыя его качества.

Сей нравоучитель обращалъ людей къ добру и отвлекалъ ихъ отъ пороковъ дѣйствительнѣйшимъ изъ всѣхъ способовъ, т. е. самъ исполнялъ то, чему наставлялъ другихъ. Онъ полагалъ, что всѣ вѣры, сколько бы противны между собою не были, равно хороши для тѣхъ, которые имъ слѣдуютъ, потому что оныя выданы для руководства народовъ къ добродѣтели; почему въ ученіи своемъ, котораго называлъ себя только возвѣстителемъ, а не изобрѣтателемъ, не касался ученія, введеннаго философомъ Лао-цзы, который проповѣдуетъ равнодушіе ко всѣму въ мірѣ, симъ самымъ ослабляя всѣ связи общежитія.

Любовь къ добродѣтели, о которой въ его время рѣдкіе пеклись, и ненависть къ порокамъ, въ которыхъ тогда утопали его единоплеменники, заставляли его словами и примѣромъ внушать имъ любовь къ первой и отвращеніе къ послѣднимъ.

Я забылъ упомянуть, что описываемый мною философъ на девятнадцатомъ году свой жизни вступилъ въ супружество, и хотя вскорѣ развелся съ своею женою, но имѣлъ отъ сего брака сына Кхунъ-ли, иначе Во-юй. Сей Во-юй умеръ еще при жизни Конфуція, оставя по себѣ сына, достойнаго своего дѣда. Это былъ славный Цзы-сы, сочинитель книги, называемой Чжунъ-юнъ (истинная средина).

О книгахъ, въ которыхъ содержится ученіе сего философа, буду говорить послѣ. А теперь приступаю съ краткому обзорѣнію его ученія.

Ученіе Конфуція о Богѣ, духахъ и душѣ человѣческой.

Хотя Конфуцій, по увѣренію ученыхъ, мало говорилъ объ умозрительныхъ предметахъ, касательно Психологіи: однакожь примѣтно, что онъ о бытіи и ествѣхъ Бога, о духахъ и душѣ человѣческой былъ одинаковаго съ древними китайцами мнѣнія.

Древніе называли Бога *Тхянь* и *Шанъ-ди*, изъ коихъ первое, то есть *Тхянь*, имѣетъ два значенія, какъ и у насъ, т. е. означаетъ и небо вѣщественное, и силу дѣйствующую въ природѣ; а подъ словомъ *Шанъ-ди* разумѣли Верховнаго Повелителя въ мірѣ. Они приписывали Небу и Верховному Повелителю тѣ же свойства или совершенства, какія мы приписываемъ Богу, а именно;

1-е. *Господство или Владычество*. *Тхянь* или *Шанъ-ди*, по словамъ ихъ, управляетъ міромъ и царствами и разрушаетъ оныя по своему изволенію; поставляетъ государей, какъ своихъ представителей, для управленія и просвѣщенія народовъ; даетъ законы; прогнѣвается беззаконіями и повелѣваетъ наказывать оныя; Государь получаетъ власть отъ Неба, а чиновники отъ Государя; Государь долженъ Ему служить и повиноваться, какъ сынъ отцу; грѣхъ Ему не повиноваться, не служить и не воздавать почтенія; кто противъ Его согрѣшитъ, тотъ не имѣетъ къ кому прибѣгнуть для искупленія въ грѣхѣ прощенія; Государь да не дерзаетъ пренебрегать Его повелѣнія и преступать Его воли; всѣ, какъ чиновники, такъ и народъ, должны всѣми силами стараться о доставленіи вещей, потребныхъ къ почитанію Его; самъ Императоръ да воздѣлываетъ землю для приготовленія пшена и вина, употребляемыхъ въ приношенія Ему жертвъ. Да приносятъ ему, какъ Господу, Правителю и Духу разумному, жертвы; самъ Государь да варитъ животное, приносимое Ему въ жертву. Юй-ванъ принесъ Ему жертву сожженія; Хуанъ-ди воздвигъ Ему храмъ; Императоръ Чжунъ-сіо вылилъ мѣдные колокола и установилъ музыку для употребленія при жертвоприношеніяхъ Верховному Повелителю.

2-е. *Мощество*. Сила Неба есть первое начало всѣхъ вещей. Она, дѣйствуя въ таинственномъ мракѣ, даетъ всякой вещи начало, жизнь и свойства, потребныя къ усовершенствованію своего бытія.

Небо вліяло въ человѣка внутреннюю правоту разумной природы. Безъ его повелѣнія и промысла ни что быть не можетъ. Оно всему можетъ воспрепятствовать и все остановить. Государямъ даетъ скиптры. Когда случается что-нибудь, чего никакія силы человѣческія произвести не могутъ, того Творецъ и виновникъ есть Небо или Верховный Господь. Онъ производитъ и усовершенствуетъ все въ мірѣ вещи. Бываетъ видимъ только въ своихъ дѣйствіяхъ. Ни чувствомъ, ни разумомъ не можетъ быть постигаемъ, ни образомъ изображенъ. Что на небѣ все кругообращается и на землѣ все рождается безъ взаимнаго себѣ сопротивленія и препятствія, то производитъ сила Неба.

3-е. *Знаніе*. *Шанг-ди* или *Тхянъ* видитъ и знаетъ все. Знаетъ не только добро и зло, производимыя на землѣ, но даже самыя мысли и намѣренія людей. Его никто обмануть не можетъ.

4-е. *Волю*. Трудно знать волю Неба. Оно тайнымъ, или молчаливымъ образомъ показываетъ свое намѣреніе. Не Государь *Ю*, но Небо дало Имперію Князю *Шунь*. Небо ни къ кому не имѣетъ ненависти. Оно милостиво; любитъ народы, желаетъ мира царствамъ. Небо не ко всемъ благоволяетъ, но только къ тѣмъ, кои чтутъ Его. Государь *Цзю* презиралъ добродѣтели, угнеталъ народъ, оскорблялъ духовъ, не повиновался Небу. Его злодѣйствами и беззаконіями исполнялась Имперія; посему Небо низвергло его съ престола, и возвелъ на оный князя *Ченг-тангъ*, имѣвшаго истинныя добродѣтели. Чтобы Небо лишило кого прародительскаго престола, надобно, чтобы сей наслѣдникъ былъ подобенъ Государю *Цзю*, въ царствованіе коего все утопало въ развратѣ, и смрадь ихъ пороковъ достигала до Неба; посему Небо разрушило династію *Инь* и отвратилось отъ народа ея за необузданное его сладострастіе. Жестокость несвойственна Небу: но народъ своими беззаконіями самъ навлекъ на себя погибель.

5-е. *Правосудіе*. Небо яснѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ все разсматриваетъ и изслѣдуетъ. Воздастъ каждому по дѣламъ. Добрыхъ награждаетъ, а злыхъ наказываетъ. Наказанія всегда должны поселять въ насъ страхъ. Не Небо низпосылаетъ наказанія, но люди навлекаютъ на себя оныя своими беззаконіями.

6-е. *Жизнь*. *Шанг-ди* Императору *Гао-Цзунъ* представилъ во снѣ превосходнаго Министра. Князь *Ву-вангъ* видѣлъ во снѣ, что Господь Неба далъ ему девять зубовъ, или девять годовъ. Господь Неба, прекративъ владычество дома *Инь*, ввѣрилъ царство князю *Ву-вангъ* въ поощреніе его добродѣтели. Въ то время, когда *Ву-вангъ* обозрѣвалъ владѣнія удѣльныхъ князей, Небо усыновило его себѣ и предъизбрало царствовать надъ Имперією. Господь Неба говорилъ такъ

князю *Вань-ванг*: призираю на твою сокровенную добродѣтель, открывающуюся не во многихъ словахъ и наружной прикрастѣ и благоволю къ ней сердечно. Императоръ долженъ молить небо о сохраненіи своего Имперіи.

7-е. Безпредѣльность и вѣчность.

Сила и всевѣдѣніе Неба не имѣютъ предѣла. Оно вездѣ находится и вездѣ все видитъ. Проникаетъ все вещи. Никто не можетъ постигнуть мѣста, гдѣ оно находится. Оно находится въ вещахъ не какъ ихъ часть, но какъ дѣйствующая причина. Безпредѣльный и величайшій Господь неба, есть Царь людей, живущихъ на шарѣ земномъ. То, что управляетъ покоемъ (*Инь*) и движениемъ (*Янъ*) (т. е. уничтоженіемъ и призведеніемъ вещей), есть первоначальный разумъ. Сей разумъ поелику здѣсь находится и здѣсь не находится, называется духомъ непостижимымъ. Ибо, когда покой *Инь* перемѣняется въ движеніе *Янъ*, тогда разумъ находится въ движеніи *Янъ*; и когда движеніе *Янъ* перемѣняется въ покой *Инь*, тогда разумъ находится въ покоѣ *Инь*; поелику же находится и въ томъ, и въ другомъ, посему говорится, что здѣсь находится и здѣсь не находится; и по причинѣ, что здѣсь находится и здѣсь не находится, не можетъ быть постигаемо, называется духомъ. А духъ, хотя находится во всякомъ мѣстѣ, но не имѣетъ ни одного опредѣленнаго для себя мѣста.

8-е. Духовность.

Шанъ-ди есть духъ неба. Духъ неба не можетъ быть видимъ, какъ только въ его твореніяхъ, и въ духовномъ образѣ дѣйствія. Духъ есть непостижимая сила, управляющая четырьмя временами года. Небо не есть, какъ земля, что-либо тѣлесное и чувствамъ подлежащее.

Какъ священныя, такъ и философическія книги у Китайцевъ признаютъ существованіе духовъ, зависящихъ отъ перваго существа, которое есть *Шанъ-ди* или *Тянь*. (Ихъ раздѣляютъ на добрыхъ и злыхъ. Свойство добрыхъ духовъ поставляютъ въ поощренія людей дѣлать добро; а свойство злыхъ духовъ—въ подстреканія людей производить беззаконія.) Духовъ почитаютъ безтелѣсными, или нематеріальными, а посему и непостижимыми. Каждому изъ (добрыхъ) духовъ опредѣляютъ приличную ему должность. Иной присутствуетъ при сраженіяхъ, а другой при земледѣліи; иной въ рѣкахъ, а другой въ горахъ; иной изъ нихъ есть для вѣтровъ, а иной для громового удара. Всякій изъ нихъ, наконецъ, имѣетъ особенный предметъ, принадлежащій его смотрѣнію. Повдѣваютъ воздавать имъ почтеніе и приносить жертвы.

Могущество духовъ Конфуцій прославляетъ въ книгѣ *Чжунъ-*

юнз. Хорошій способъ управлять народомъ, говоритъ Конфуцій, есть почитать духовъ и воздерживаться отъ испытанія того, что они суть и что дѣлають.

Императоръ *Шунь* приносилъ жертвы духамъ: пяти стихій, (каковыя, по мнѣнію Китайцевъ, суть: дерево, огонь, земля, металлъ и вода), четырехъ временъ года, теплоты, стужи, солнца, луны, звѣздъ, засухи, дождя, горъ рѣкъ, и множеству другихъ духовъ.

Конфуцій прославляетъ какъ Государя *Шунь*, такъ и другихъ Императоровъ, за учрежденіе приносить жертвы засвидѣтельствовапія благодарности духамъ тѣхъ мужей, которые своею мудростію и добродѣтельною жизнію были украшеніемъ своему вѣку и оказали хорошія услуги своему отечеству. Онъ же утверждаетъ, что доколѣ будутъ соображаться съ симъ учрежденіемъ, то въ Государствѣ не можетъ быть ни бѣдствій, ни неустройствъ. Благоприличіе и порядокъ должны быть наблюдаемы при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, такъ какъ и при всѣхъ другихъ обрядахъ, и самъ Императоръ обязанъ начальствовать въ оныхъ, потому что онъ есть одинъ высшій жрецъ. Пшено, вино, вола, свиньи и овцы бывають обыкновенными жертвами, и когда оныя приносятся для исцрощенія благополучнаго похода, то кровію въ жертву принесенныхъ животныхъ обагрѣють барабаны и знамена. (Что касается до злыхъ духовъ, то ни священныя, ни философскія книги Китайцевъ не предписываютъ воздавать имъ почтеніе и приносить жертвы.)

О душѣ человѣческой въ упомянутыхъ книгахъ говорится такъ: душа человѣческая есть Господинъ всего чаловѣческаго тѣла, и разумъ, который въ ней заключается, имѣетъ она отъ Неба. Небо или Господь Неба вливаетъ ее въ чаловѣческое тѣло по сотвореніи его изъ матеріи. Она есть духъ неизслѣдимый, нематеріальный или безтѣлесный, разумный, весьма проницательный, способный понимать причины всѣхъ вещей и сообразоваться со всѣми встрѣчающимися дѣлами. Содержитъ въ себѣ сѣмена или начала любви, справедливости, обряда, познанія и вѣрности. Огличается отъ души растений и животныхъ здравымъ разумомъ. Души добродѣтельныхъ людей, по разлученіи съ своими тѣлами, находятся при Верховномъ Господѣ (*Шанъ-ди*). Гдѣ же находятся души нечестивыхъ, по разлученіи съ своими тѣлами, то какъ сего, такъ и того, чтобы сказано было что онѣ по разлученіи съ своими тѣлами уничтожаются, я во всѣхъ нравственныхъ Китайскихъ книгахъ не примѣтилъ.

Инь и *Янъ* суть названія двухъ вѣздуховъ, дѣйсвующихъ во

сѣхъ явленіяхъ въ природѣ. *Янгъ* есть воздухъ открытый ясный, легкій, сухой; *Инь* есть воздухъ запертый, мрачный, густой, влажный. Сіи два воздуха, при взаимно-равновѣсномъ соединеніи, даютъ бытіе тварямъ, но, при перевѣсѣ одного предъ другимъ, разрушаютъ существо ихъ. (Эго суть тепло-творъ и свѣтъ).

Небо, солнце, время года отъ зимняго солнце-стоянія до лѣтняго, свѣтъ, день, мужчину Китайцы называютъ *Янгъ*; землю, луну, время года отъ лѣтняго солнце-стоянія до зимняго, ночь и день темноту, женщину называютъ *Инь*.

Янгъ, по мнѣнію Китайцевъ, находится въ движеніи и совершеннѣе, нежели *Инь*, который пребываетъ въ покоѣ.

Нравственное ученіе Конфуція.

Главная цѣль нравственнаго Конфуціева ученія есть склонить всѣхъ людей къ чистосердечной и искренней любви ко всему роду человѣческому. „Любовь къ ближнему, которой я требую, любезный ученикъ, говоритъ Конф.цій, есть постоянное и съ разумомъ согласное разположеніе духа, съ которымъ человѣкъ, радѣя о собственныхъ выгодахъ и пользахъ, любитъ всѣхъ людей наипаче, какъ будто-бы они составляли съ нимъ нѣчто одно и то же, и потому имѣетъ съ ними одинаковыя чувствованія какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи. Напрямѣръ: благочестивый человѣкъ, желая взойти на высоту счастія, совѣтами своими, помощію и трудами ведетъ за собою и другихъ, которыхъ или незнатность породы поставила на низкой степени, или могущая рука превратнаго счастья свергла съ высоты. Равнымъ образомъ, желая самъ, какъ слѣдуетъ, постигать вещи, не терпитъ, чтобы другіе слѣпотствовали, или изнемогали подъ тяжестью трудовъ и неудобства; безъ испытанія ничего не оставитъ, чѣмъ можно помочь имъ; и потому приводитъ ихъ въ состояніе быть такъ-же проникательными, преодолевать встрѣчающіяся трудности, и, наконецъ, пробиваться сквозь мракъ невѣжества и заблужденій. Сею любовію если будутъ воспламенены сердца смертныхъ; то весь свѣтъ будетъ наподобіе одного семейства, всѣ люди будутъ представлять въ себѣ одного человѣка, и всѣ вещи, по причинѣ удивительнаго взаимнаго порядка и союза, покажутся однимъ и тѣмъ-же существомъ. Итакъ, мы должны любить другихъ

какъ себя самихъ, выводить другихъ къ намъ расположеніе слѣдовательно, должны желать имъ всего того, чего себѣ желаемъ“.

Конфуцій, требуя отъ людей любви ко всему роду человѣческому, повелѣваетъ, однако, любить родителей и родственниковъ преимущественнѣе предъ прочими. „До всѣхъ простирающаяся любовь не есть что нибудь внѣшнее для человѣка; она существенна его природѣ и врождена; она внушаетъ намъ, что всѣхъ любить должно; и потому любить есть дѣло человѣка; однако, любить родителей болѣе другихъ есть особенная и главная обязанность“. Несчастные имѣютъ также нѣкоторыя права, опредѣленныя для нихъ. Да оказываетъ всякій состразаніе къ бѣднымъ, сиротамъ безроднымъ и всѣмъ злополучнымъ. Конфуцій повелѣваетъ, наконецъ, оказывать величайшее почтеніе престарѣлымъ. Онъ освобождаетъ стариковъ и дѣтей ихъ, въ старости ихъ пропитывающихъ, отъ тѣлеснаго за преступленія наказанія.

Когда должно къ другимъ имѣть любовь и почтеніе, то должно заслуживать и ихъ къ себѣ сіи чувствованія. Честное поведение есть надежнѣйшій способъ пріобрѣтать оныя. А дабы сдѣлаться честнымъ, для сего надобно вникать въ самого себя и стараться, что-бы всякая мысль наша и всякое помышленіе были непорочны, ибо если того, что есть гнусно и незаконно, мы и въ помышленіи не имѣемъ; то предпримемъ-ли оное когда либо на самомъ дѣлѣ?

Лицемеріе есть порокъ ненавистнѣйшій. Тотъ, кто прикрывается однимъ видомъ добродѣтели, походить, по мнѣнію Конфуція, на того злодѣя, который днемъ показывается честнымъ человѣкомъ, а ночью занимается разламываніемъ кладовыхъ и похищеніемъ имущества ближняго. Опасайся говорить онъ, тѣхъ, которые учиняются скорѣе хвалителями добродѣтели, нежели ея послѣдователями. Не обманывайся ихъ учеными разсужденіями, которыя хотя бы можно было понимать за выраженіе души убѣжденной, они суть плодъ испорченнаго разума и выдуманная возбужденія сердца. Тѣ, кои говорятъ сильно и съ нѣкоторымъ родомъ чувствительности о смиренномудріи, о благѣ общемъ, не всегда сами бывають въ томъ примѣрами.

Для точнѣйшаго отращенія отъ лицемерія. Конфуцій присоединяетъ страхъ къ правилу. Онъ объявляетъ, что тщетно надѣются скрыться подъ пріятнымъ покровомъ, что злость, несмотря на старанія ей предавагося скрыть ее, напечатлѣвается на его лицѣ: свойство внѣшнее, для простого только человѣка непримѣтное, но никогда не сокрытое отъ мудраго, который со вниманіемъ рассматри-